

ЛАРИСА

СОБОЛЕВА

АРАБСКИЕ ЗВЕЗДЫ
СИЯЮТ ЯРЧЕ

Издательство АСТ
Москва

«...и погаси пламень страстей моих, яко нищ
есмы и окаянены. И избави мя от многих и лютых
воспоминаний и предприятий, и от всех действий
злых свободи мя»

Молитва 10-я ко Пресвятой Богородице

Часть первая

Куколка, балетница, воображуля, сплетница...

— Но почему я?!

Это был только один из вопросов, мучивших ее с тех пор, как позвонил следователь, но отказался объяснить — с какого перепугу просит приехать на беседу, мол, узнаете завтра. На беседу — каково? Просит — ха! И кто, а также — куда! Что за беседы у следователя? Тут свихнешься от одних предположений, налетевших, как черная туча, и подавивших слабый голос разума.

Однако бархатистый голос в трубке звучал почти нежно, располагающе, казалось бы, бояться нечего, но... О боже, это постоянное ожидание чего-то плохого, вероятно, исторически заложено в крови каждого из нас, даже переполненную счастьем душу нет-нет, да уколёт сигнал: счастье не может быть вечным. Поэтому Оксана ничего не сказала мужу, чтобы не дергать его попусту. Она очень волновалась, когда ехала «на беседу», и подавляла хаос в голове: выманивают! арестуют! распнут! посадят! А что еще думать человеку, который ведет авто по направлению к прокуратуре? Ведь Следственный Комитет находится в том же здании, только вход с торца.

Вопреки ожиданиям (воображение рисовало мордастого и тупого монстра в форме) встретил ее весьма симпатичный (несмотря на оттопыренные уши) высокий молодой человек, в хорошо сшитом костюме — Терехов Павел Игоревич. Наверняка он занимается спортом, ибо весь подтянутый и свежий, а на лице так просто печать стоит: высокообразованный интеллект, короче, сугубо положительный типаж. Но расслабляться, поддаваться обаянию — ни-ни! После коротких дежурных фраз, выжимавших из Оксаны последние капли терпения, он вдруг предложил ей поехать вместе с ним на... опознание трупа. Такой невинно-беспечной интонацией сказал, будто пригласил прогуляться по весеннему парку, чтобы полюбоваться веточками с листочками, тут-то она и воскликнула:

— Но почему я?!

— Видите ли, труп женщины...

— Так это еще и женщина!

— Да, труп женщины обнаружили рыбаки-любители у берега...

— Но с какого бока тут я?.. — не было предела возмущению Оксаны.

— Пытаюсь объяснить, но вы не даете мне это сделать, — улыбнулся Терехов по-доброму, видимо, все же понимая, как сильно шокирована гражданка.

— Простите, — буркнула она извинение, больше похожее на грубость. — Я слушаю вас, слушаю.

— В одном из карманов женщины мы нашли документы, — продолжил Терехов. — К сожалению, данные паспорта безвозвратно уничтожила вода... но нам удалось восстановить номер, эксперты собирали по цифре, ведь в паспортах номер проставлен на не-

скольких страницах. Удалось восстановить и половину серии, по этим данным мы и выяснили личность убитой.

— Она еще и убита! — ужаснулась Оксана, даже отшатнулась от следователя, хотя их разделял заурядный канцелярский стол. — И что?

— Установив личность, мы не смогли узнать о месте проживания убитой — она зарегистрирована у тетки в деревне, которая ничего не знала о племяннице — ни адреса, ни чем занимается, ну, кроме того, что та живет в городе. Тогда мы обратились к операторам связи, так выяснили личный номер телефона и список лиц, внесенных на сим-карту. Там было ваше имя — Оксаночка, да, так ласково. И номер, разумеется.

— Только мое имя? Других не было?

— Были и другие, правда, совсем немного. А откликнулись только вы.

— Хм! — фыркнула Оксана. — Если б не моя профессия, я бы сроду не ответила на звонок с незнакомого номера, я имею в виду ваш звонок.

— Мы бы нашли способ выйти на вас, — снова улыбнулся следователь.

Это уж точно. Вот попала — так попала!

— Ну и как... как зовут эту вашу... убитую?

Оксана смотрела в сторону, что равносильно знаку для следователя: мол, глаза б мои тебя не видели, но поскольку он замолчал и надолго, она не выдержала и покосилась на него. Терехов не торопился выдать имя, он сцепил длинные пальцы музыканта в замок, уперся в него носом, задумавшись. Вот о чем можно думать сейчас? У него не было времени со вчерашнего дня? А с виду такой правильный, такой безупреч-

ный, как... как джентльмен из классической книжки про благородных господ, он абсолютно не вписывался в ее стереотип следователя.

Наконец Терехов поднял на нее свои добрейшие глаза неопределенного цвета, но ближе к светлым, а в глубине его выделяющихся зрачков столько всего... будто Оксана тайный маньяк и следователь собирается хитростью с подлостью разоблачить ее. Накручивая на палец тонкий ремешок сумочки, она, тоже въедаясь в него жгучими цыганскими очами, ждала, что скажет этот нетипичный тип. И он сказал довольно мягко, при всем при том вдалбливая слова:

— Понимаете, Оксана Дмитриевна, как правило, трупы со следами травм не совместимых с жизнью, не имеют с собой документов, следовательно, паспорт могли подкинуть чужой, чтобы запутать следствие. Вы согласны со мной?

— Мне мало что известно о хитросплетениях убийц, — бросила она.

— Давайте сделаем так: вы посмотрите на труп, если назовете имя и фамилию женщины, совпадающую с нашими данными, мы вас отпустим...

— А если не назову, арестуете? — вставила она.

— Во-первых, мы не арестовываем, а задерживаем, — внес уточнение он. Но ведь это только слова разные, а смысл-то один. — Во-вторых, вы все равно поедете, куда пожелаете, а мы... мы продолжим поиск тех, кто подтвердит личность убитой.

— А тетка? — напомнила Оксана. — Из деревни.

— Хм, тетка... — потирая подбородок, вздохнул он печально. — Конечно, она могла бы приехать на опознание, но не сможет. Накануне нашего визита, точнее — за пару дней, тетя найдена убитой, нахо-

дьясь у себя в доме, упала и скончалась. Сердечница была — хроническая гипертония. Соседи кинулись, когда заметили, что тетушка не выходит из дома в течение суток, ну и отправились навестить. Дверь была открыта, она лежала на полу.

— А как же — «ничего не знала о племяннице — где та живет, чем занимается»? Я поняла, вы встречались с ней.

М-да, Оксане Дмитриевне не откажешь в умении схватывать важные детали, не каждый способен в стрессовой ситуации концентрироваться на частности. Ему осталось ответить на поставленный вопрос, чтобы меньше осталось подозрений у Оксаны:

— Все это нам сосед рассказал, забавный старик. Но он не может помочь, потому что племянницу не видел много времени, как и остальные соседи. Тетку она почти не навещала, если и приезжала, то поздно вечером, уезжала рано утром, все это со слов тети, которая оправдывала племянницу, ну, работает на двух работах, говорила. Вообще-то, отзывы о племяннице негативные. Отца у нее не было, мать неизвестно где, так что...

Следователь развел руками, давая понять: Оксана его единственная надежда, но и тут она нашла выход, даже обрадовалась собственной идее:

— Фотографию не хотите показать? Это же проще простого! Извините, но смотреть на труп мне не очень хочется... точнее, совсем-совсем не хочется.

Разумеется, это самый простой способ установить личность, вероятно, следователь неопытен, он слишком молод для такой ответственной работы, навскидку лет тридцать — не больше, оттого и не додумался до примитивных методов. Но Терехов заявил категоричным, неожиданно стальным тоном:

— Не хочу. Вы поймете меня. Позже. Едем?

Это была уже не просьба, а приказ. Отходных путей не осталось, да и не отказывают этим людям по причине «не хочу». Они прошли во двор, где стояла его машина, Терехов заверил, что привезет ее назад, а за свой транспорт она может не переживать — от прокуратуры еще никто не осмеливался угнать автомобиль. Только в машине следователя Оксана, что называется, ощутила почву под ногами и нервно рассмеелась, признавшись:

— А я думала, меня заманивают, чтобы арестовать.

— Есть за что? — не взглянув на нее, невозмутимо спросил он.

— Пф! Был бы человек, статья на него всегда найдется.

— Неужели? Странно слышать подобное от красивой женщины.

У, загнул, хитрюга! Оксана, без сомнения, эффектная женщина, но красивая — она бы очень этого хотела, однако его комплимент не соответствует действительности, она это знала давно и выжимала из скромной внешности максимум. Отменный вкус, хорошая одежда, умение носить ее сделают и старую каргу привлекательной, а лицо... Не досталось от мамы с папой писаной красоты, зато Оксана не обделена умом, который решает все в современных условиях. А для личика существуют стилисты, они научили превращать небольшие и глубоко запавшие глаза в туманную загадочность, удлиненный овал и такой же вытянутый носик корректировать косметическими средствами, тонкие губы увеличивать косметикой, а главное — не стесняться недостатков. Волосы особая статья, из трех волосинок в салоне

способны сделать темно-каштановую копну, которой восторгаются абсолютно все.

Когда люди комплексуют по поводу и без, остальные это чувствуют на подсознательном уровне и нередко пользуются слабостями. Имея достаточно денег, Оксана не отважилась на эксперимент у пластического хирурга, не всегда данный процесс заканчивается победой скальпеля, вдруг и ей не повезет, что тогда? Вся жизнь к черту? В общем, внешность — это финансовые затраты, признание правды в зеркале и титанический труд. Потому комплимент следователя пролетел мимо ее ушей. Вспомнив, что паузы доставляют удовольствие только зрителям в театре, а следователя могут насторожить, Оксана сказала:

— Я директор строительной фирмы! Уж вы-то должны знать, что это за бизнес, сколько врагов кругом, мечтающих захватить мою нишу. Да на меня сострять компромат — как нечего делать! Потом доказывай, что ты святая. Знаете, после вашего звонка я со вчерашнего дня в стрессе нахожусь, все думаю: кто хочет закопать меня, где нашли пробоину, что способны следователи предъявить? Неужели сразу не могли сказать про... опознание?

— Вы бы не согласились, — невозмутимо ответил Терехов, совсем не чувствуя угрызений совести. — Наш труп не родственница вам, возможно, вы даже не знакомы с ней. Пришлось бы долго уговаривать, по телефону это делать противопоказано.

— Ой, — отмахнулась Оксана, — уж вы-то уговаривать умеете.

— Вы из СМИ сделали подобные выводы?

— Ладно, ладно, — приподняла руки она в знак капитуляции, а может, таким образом выразила свое

негодование. — Что сделано, то сделано. Однако методы у вас... хм... не самые гуманные.

— Я мог бы поспорить насчет гуманизма, но, к сожалению, время вышло, мы приехали.

Приехали — да не совсем, пришлось еще плестись по длинной аллее, по обеим сторонам которой высились деревья, усыпанные мелкими листочками, вырвавшимися на свободу. У раскрытых ворот морга Терехов заглушил мотор, отстегнув ремень, повернулся к Оксане и к ее удивлению начал деликатно намекать:

— Хочу вас предупредить... Понимаете, труп некоторое время пролежал в воде и выглядит... как бы это сказать... м... не очень...

— Изуродован? — подсказала она.

— Не совсем. Но где-то как-то...частично.

— М-да, не повезло мне... — недовольно протянула Оксана, подавшись спиной к дверце, чтобы лучше разглядеть следователя и понять: деликатность его натура или это игрища иезуита. — Ну, раз приехали, показывайте, что там вас так тормозит.

— Благодарю, вы нам очень поможете.

Он вышел из машины, она — нет. Пришлось Терехову обойти нос и открыть дверцу, потом галантно руку подать — Оксана не воспользовалась помощью, так сказать, проигнорировала протянутую руку дружбы. Когда он показал жестом, куда идти, она решительно зашагала к «парадному входу», стремительность и уверенность в походке — характерная черта для самодостаточных людей, по мнению Терехова. Однако ему пришлось обогнать ее и указать на неприметный вход рядом:

— Нам сюда, Оксана Дмитриевна, а оттуда выносят покойников в дешевых и очень-очень дорогих гробах — кому как повезет.

Оксана не оценила жалкое подобие шутки. Ну, а Павел Терехов, шагая по коридорам морга, искоса изучал возможную свидетельницу, на лице которой уголки поджатых губ брезгливо опустились вниз, хотя чистота здесь стерильная. Но одно слово «морг» свергает некоторых в панический ужас, что дорога эта ведет в ад.

Настал момент опознания, они вошли в пустое и холодное помещение с обложенными скучным кафелем стенами, появилось ощущение, будто вошли в безвоздушное пространство. На высокой каталке, судя по очертаниям, лежал труп, полностью закрытый полотном... Оксана сто раз видела все это в кино — ничего нового, но почему-то у нее учащенно забилось сердце. Пожилой мужчина в экипировке медика и с лицом ученого обратился к следователю:

— Павел Игоревич, вы поставили в известность свидетельницу...

— Само собой, — мягко с улыбкой перебил его Терехов (нашел, где улыбаться). — Оксана Дмитриевна в курсе, что труп несколько...

— Какое длинное вступление, — недовольно заворчала та, — со вчерашнего дня длится. Вы меня пугаете. Показывайте ваш труп, иначе убегу.

Пожилой человек привычно откинул полотно, обнажив верхнюю часть убитой по грудь... У Оксаны глаза полезли на лоб, дыхание перехватило, а здесь и так ей не хватало воздуха. Нет, она не относится к нежным дамам, вовсе не экзальтированная особа,

искусно падающая в фальшивые обмороки, но увиденное на минуту выключило ее из реальности.

Тело... На миг она отвела глаза, не в силах смотреть на ЭТО, затем снова вернула взгляд. Тело, на которое она уставилась с нескрываемым отвращением, мало напоминало женщину, дело не в том, что «труп пролежал некоторое время в воде», как сказал Терехов. Узнать в ЭТОМ кого бы то ни было — невозможно. Даже пол определить невозможно, не по волосам же, в само-то деле, определять! Длинные волосы носят и мужчины, но раз говорят, что это женщина... Лица-то нет. Вместо лица месиво, будто искромсанное крупной отверткой, притом ни капли крови, словно месиво тщательно вымыли с мылом и обсушили феном. Больше ничего Оксана не рассмотрела, она отвернулась, прикрыв пальцами рот.

— Возьмите, — протянул ей целлофановый пакет мужчина.

— Что это? — отшатнулась она от него.

— Если тошнит, то прямо в пакет... Не стесняйтесь.

Очень мило! Здесь просчитали даже ее реакцию. Оксана отвела его руку с пакетом, уйдя к стене, только потом, через паузу, спросила:

— Что я в этом... — она имела в виду мертвую женщину, — должна понять? Кого именно узнать?

К ней подошел Терехов, стал рядом, только лицом к трупу, и, как ни в чем не бывало, словно дело привычное — искромсанное женское тело, он заворковал, наверное, чтобы его интонация успокоила свидетельницу:

— Понимаю ваше состояние, но вы тоже поймите нас. Эту женщину убили тяжелым и острым предметом по голове...

— Обычно небольшой острый предмет, но которым можно проломить голову, это топорик, — вставил пожилой человек. — Удар нанесли сзади выше затылка.

— Удар нанесли сзади, два раза, — продолжил Терехов. — После сбросили труп в воду, когда жертва была еще жива, о чем свидетельствует вода в легких. К нам она попала примерно через неделю после смерти, тело привели в порядок...

— Пожалуйста, без подробностей, — взмолилась Оксана.

— Хорошо, хорошо, — сказал он. — Убитая звонила только вам, звонила несколько раз, если, конечно, эта женщина та, которую знаете вы.

Взглянув на него, Оксана непроизвольно поморщилась:

— Звонят мне многие, знакомые и те, которых я никогда не видела.

— Наша задача найти убийцу, помогите нам.

— Как?! Как помочь, вы о чем?! У вашего трупа лица нет!

— Это речные хищники, — сказал пожилой мужчина.

— Хищники? — дернулась Оксана. — В каком смысле? Какие?

— Раки, щуки...

— Вы хотите сказать, что ее с... с... с... — заело Оксану.

— Немножко съели, — согласился пожилой мужчина. — Естественный процесс, мадам. Потеплело, река ожила, а живность хочет кушать.

— Фу, — брезгливо передернула она плечами. — Никогда больше не буду есть раков. И щук. И креветок. Что там еще плавает? Никогда...

У Терехова цель — получить информацию, он упрямо гнул свою линию, но не настаивая, не давя на нее, а тихонько зомбируя:

— Повнимательней взгляните на волосы, они отлично сохранились, особенно в лобовой части, на висках — это все индивидуальные особенности. Уши! По ушам тоже можно если не узнать, то хотя бы предположить, что это за человек, при всей одинаковости уши отличаются. Если вам хоть что-то напомнит в ней знакомую, возможно, вы вспомните и особые приметы, а мы сверим.

Не говоря ни слова, Оксана медленно развернулась лицом к труп и пошла туда на вялых ногах, словно шла на плаху. Зрелище не для слабонервных, она задержалась ненадолго, мотнула отрицательно головой и стремительно вышла из ужасного помещения, за ней поспешил следователь. Если честно, Оксана злилась на этого безмозглого страуса, конечно, не показывая своего отношения. Надо же придумать такую жестокую экзекуцию: ничего не сказать заранее, только намекнуть — как будто намеки одно и то же с реальностью.

— Одну минуту... Пойдите! — Терехов перегородил дорогу Оксане, она остановилась, враждебно уставившись на него. — Понимаю, процедура не из легких, но давайте доведем до конца...

— Что?!! — попяtilась от него она, Терехов упредил возмущения:

— Нет-нет, больше трупов не будет, клянусь. Но на вещи убитой вы можете взглянуть? Вдруг они вам